

С Михаилом Козаковым я познакомилась в 81-ом, на съемках «Покровских ворот», любимого телефильма советской интеллигенции. Это про него, Козакова, писал Давид Самойлов из Пярну в Москву: В этом фильме атмосфера Непредвиденных потерь. В нем живется не так серо, Как живется нам теперь. В этом фильме персептива, Та, которой нынче нет. Есть в нем подлинность мотива, Точность времени примет. Ты сумел и в водевиле, Милый Миша Козаков, Показать года, где жили Мы без нынешних оков...

Я была тогда начинающим журналистом и очень волновалась, пустят ли меня на съемочную площадку и станут ли вообще разговаривать. Помню, как робко топталась на Чистопрудном бульваре, пока заканчивалась съемка очередного эпизода. Козаков отпустил артистов, дал распоряжения на завтра съемочной группе. Только тогда я решилась с ним заговорить. Он был приветлив, словно мы сто лет знакомы, ответил на все мои наивные вопросы и совершенно очаровал, пригласив приходить еще. Еще я приходила много раз. На съемки следующих фильмов и к нему домой. В Москве – на улице Гиляровского и на Большую Ордынку, в Израиле – на маленькую тель-авивскую улицу философа Спинозы. Он знакомил меня со своей женой (сначала с Региной, а потом с Аней), со старшим сыном Кириллом, так похожим на отца времен «Убийства на улице Данте», и младшим Мишенькой. Козаков удивил меня тем, что говорил откровенно со мной, которую видел впервые, а в те времена люди разумные так не поступали. Он давал мне свои мемуары в рукописях. Читал Бродского...

Так вышло, что мы не общались после его возвращения из Израиля. Мне хотелось увидеть его на сцене в хорошей драматургии, а он, подчиняясь законам антрепризы, выбирал что подоступнее.

Когда стало известно, что Андрей Житинкин ставит в Театре Моссовета «Венецианского купца» с Козаковым-Шейлоком, я обрадовалась: наконец роль ему «по росту»! Но спектакль разочаровал. Пусть это не лучшая шекспировская пьеса, но она не предполагала ни фарса, ни попсы. «Венецианский купец» – комедия, но с трагическим персонажем.

Еврей-ростовщик одалживает деньги богатому венецианскому купцу. Процента не просит, но коли долг не будет возвращен в срок, ростовщик вырежет у должника фунт мяса. В качестве неустойки. Требование Шейлока чудовищно, но за ним – оскорбленное чувство. Сначала – национальное, а потом еще и отцовское, поскольку его любимая дочь сбежала из дома с возлюбленным (разумеется, с христианином).

Для Житинкина трагедия Шейлока интереснее, чем лесбийские игры богатых невесты Порции со служанкой, мобильные телефоны, вынимаемые разными персонажами из гульфиков, маска с фаллосом вместо носа. Режиссера вместе с художником (Андрей Шаров) клонило к легкому, веселому шоу, ведь дело происходит в Венеции, городе праздников и карнавалов. Козаков же, давно мечтавший об этой роли, сыграл трагедию. Трагедию гордого человека, одинокого среди людей другой веры, постоянно унижаемого и не желающего ни просить прощения, ни прощать. Сцену, в которой требующий неустойки Шейлок окончательно посрамлен, Козаков сыграл не по-шекспировски, а по-своему. Он подарил своему герою... внезапную смерть. Чем спас его от позора, но... спектакль в целом спасти не смог.

Козаков и раньше играл отрицательных персонажей, предателей и злодеев, но, пожалуй, еще никогда он не ходатайствовал за них так горячо. Он вложил в роль свой опыт израильской жизни, четыре года, потраченные, чтобы понять, что для контакта нужна общая мифология. Люди другой ментальности – как правило, чужие люди. Эмиграция сделала его жестче, рациональнее, расчетливее. Возможно, я ошибаюсь (я и хотела бы ошибиться).

Когда я позвонила Козакову и попросила об интервью, он, не узнав меня, сказал: «Обратитесь к моей жене – она решает, кому мне давать интервью, а кому нет».

Честно говоря, я очень расстроилась. Не потому что он не узнал мой голос и не вспомнил фамилию (что неудивительно через пять лет), а потому, что почувствовала: теперь все по-другому.

По-другому оказалось не всё. Квартира на Большой Ордынке та же, что и до отъезда, только на двери два звонка: черный (к Михаилу Михайловичу) и белый (на женину полуvinу, как говорили встарь). Жены Ани дома не было, дети занимались своими делами, Мишеньку, старшего (ему теперь десять) я видела в Израиле, Зоя тогда еще не родилась. Теперь ей четыре, она очень хороша собой и догадывается об этом. Ведет себя, словно мы старые подруги, берет ручку и что-то рисует в моем блокноте.

В спектакле «Цветок смеющийся»

Театр Купер - 1980 - 1981 - 1982 - 1983 - 1984 - 1985

– Михаил Михайлович, вы назвали детей в память о своих родителях. У них есть внешне сходство с бабушкой и дедушкой?

– Да, особенно у Зои, она похожа на мою маму.

– Чем интересуется Миша? Какие у него склонности?

– Художественные: рисует, стихи читает. А лучше был бы с математическими. Или электричество уметь чинить (я-то сам абсолютно не умею). Аня – человек трезвый. Она говорит: «Не занимайся искусством, Миша! Учи языки, математику. Может, будешь строителем: дома-то всегда будут строить, без работы не останешься».

– Мы еще не виделись после вашего возвращения в Россию. Что вы успели за эти три с половиной года?

– Я вписался. Мне кажется, я нашел свою нишу и при этом не изменил самому себе. Что для меня очень важно. Я занимаюсь своей профессией, по-прежнему не принадлежу ни политическим партиям, ни банкам. Никем не ангажирован, по-прежнему одинокий волк. При этом очень контактен с моими коллегами.

– Я понимаю, что после Израиля, где ваше участие в рекламе способствовало процветанию банка «Дисконт» и победе на выборах Ицхака Рабина, Вы особенно цените свою репутацию независимого

Артиста, но все-таки, почему бы вам не вернуться в стационарный театр?

– Во-первых, в какой? А во-вторых, я просто не прокормлю семью. Себя бы прокормлю, мне многого не надо, но дети! В театре платят, максимум, тысячу рублей.

– Многие подрабатывают, снимаются...

– Где сниматься?! Кино ведь нет!

– Ну, кто может – в рекламе, кто-то ведет передачи на телевидении. Очень хорошие передачи Леонида Филатова и Игоря Кваши.

– Я так не умею. Конечно, каждый устраивается как может. Кто-то открывает кафе, кто-то работает на партию. Я никого не виню, но хочу существовать только в рамках своей профессии. Актерская игра, режиссура на телевидении, чтение стихов, радио. Иногда пописывать. Так, как я жил до отъезда в Израиль.

– Жизнь в эмиграции открыла в вас новое качество: у вас появилась своя антреприза...

– И я благодарен за это Израилю. Живя в Москве, ни за что не решился бы начать. Здесь мы развиваем то, что там начали. Моя жена Аня – директор...

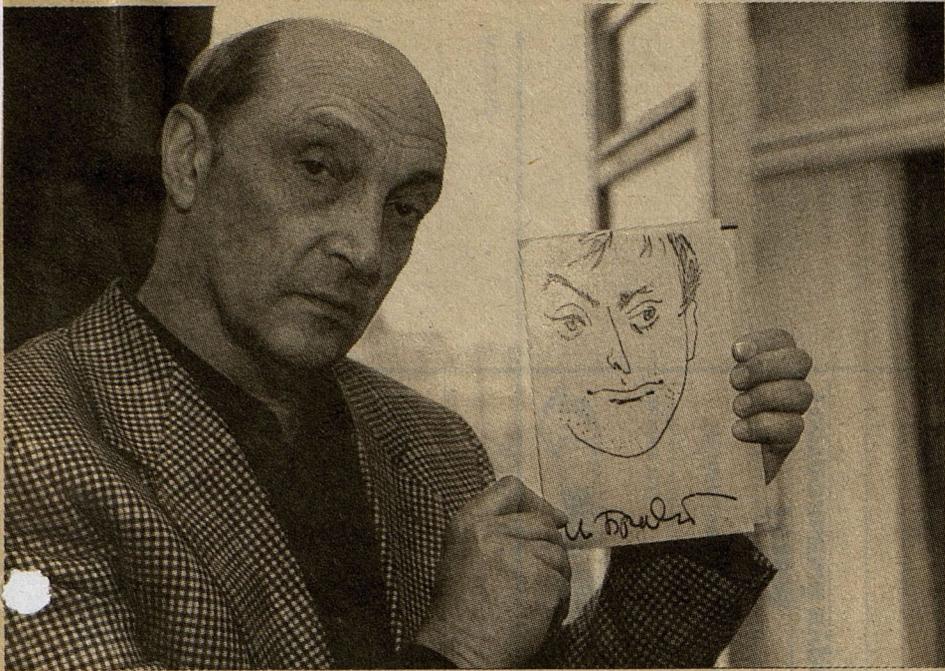
– Когда-то она была актрисой. Вы ее сняли в «Визите дамы». Аня играет в ваших спектаклях?

– Нет, и это замечательно! Для меня достаточно, что она

– мой антрепренер! Как мы делим права и обязанности? Я выбираю пьесы, ставлю и играю. Приглашение актеров согласую с Аней. Все, что касается рекламы, гастролей, аренды площадок – ее. Еще есть бухгалтер и два помощника, которые занимаются всем, включая техническое обслуживание спектаклей (свет и прочее). У нас довольно большой репертуар, мы играем в Москве, по разным городам России и бывшего СНГ. В Израиле. В Америке – каждый год. В мае этого года играли в Таун-Холле на Бродвее.

– Для русской публики?

– Разумеется. Там ее хватает. Зал на полторы тысячи мест был заполнен, и десять минут в конце шли аплодисменты! Конечно, я хвастаюсь, но, поверьте, это констатация факта. Вокруг меня образовалось сообщество актеров и актеров хороших: Немоляева, Остроумова, Догилева, Кравченко, Мордвинова, Кашинцев, Голобородько, Сатановский, Майя Менглет, Стеблов, Басилашвили. Кто-то мной более доволен, кто-то менее. И я кем-то более доволен, кем-то менее. Я поставил в Израиле, а потом и в России «Возможную встречу» Барца. Поставил «Невероятный сеанс» и «Цветок смеющийся» Кауарда. Поставил спектакль «Паола и львы». Сделал «Концерт для голоса и саксофона» по поэзии Бродского. Сначала играл его с Алексеем Козловым, теперь

нечто путное. Возьмем Нину Садур. Талантливый она человек? Конечно. Но не думаю, что пьеса «Мистификация» будет идти, как когда-то шли пьесы Александра Володина – во всех театрах. Современная пьеса – скорее, повод для разговоров высококолых критиков и особо изысканных зрителей. Сегодня литература о литературе стала интереснее самой литературы. Это тоже примета времени. Люди читающие с большим интересом читают книги о литературе и о театре...

– **Но вы заметили: театральные залы все больше заполняются?**

– Да. А куда деваться? Я когда-то ставил пьесу Роберта Андерсона «Дорогая, я не слышу, что ты говоришь, когда в ванной течет вода». Там есть замечательная оценка пьесы: «И публике понравится, и интеллигенция не слишком разозлится». Так вот, мой любимый Нозль Кауард – это

Она смотрит и только иногда слушает. Развилось клиповое мышление, скоро будет интернетное. Ну, возьмите старые хорошие пьесы. Сколько там слов написано! Значит, слушали! Смотрели и слушали! А сегодня не хотят слушать эти красивые слова! Да, есть еще спектакли, где много и умно говорят, но такие спектакли надо ставить в лифте. Тогда придут трое сумасшедших, которые умеют слушать. Это беда! Я это с горечью говорю...

– **Что ожидает наш театр, если он пойдет путем антреприз?**

– Да не антреприз! Вы не о том говорите! И стационарные театры идут по этому пути! Что говорят в первую очередь о спектакле? Знаете, там машина по сцене ездит, или собаки бегают.

– **Но между антрепризным и государственным театром есть разница. Вы сами говорили, что не мо-**

жете рисковать, что должны вернуть вложенные деньги, или вам не на что будет ставить следующий спектакль. А дотационный театр, хоть и бедный, но все же иногда может пойти на риск, сделать спектакль в лифте, как вы говорите. В этом его преимущество...

– Но оно скоро кончится: деньги кончатся – и преимущество тоже.

– **Как вы считаете, что ждет нас в следующем десятилетии?**

– Не знаю! Мне там не жить...

Грустно прощаться на такой пессимистической ноте. Пожалуй, то были слова не Козакова, а Шейлока. Тот, кто полчаса назад сказал мне: «Я – клоун, шел в эту профессию, чтобы играть и тем уходить от жизни» – тот и был Козаков. Не зря Давид Самойлов написал:

Ты, Миша, Фауст
и Арбенин,
Был Гамлет, будешь
и Полоний,
А для меня ты, Миша, ценен
Тем, что всегда
не посторонний.
Готов тебя в стихах
прославить,
Воздать таланту и уму...
Дай Бог тебе играть и ставить
(Но лучше «что-то»,
чем «кому»).

Светлана НОВИКОВА

МИХАИЛ КОЗАКОВ. МЕТАМОРФОЗЫ ОДИНОКОГО ВОЛКА

Театр. Курьер — 2000 — янв. — с 14 — 15.

год как играю с Игорем Бутманом, великолепным партнером и потрясающим музыкантом. На телевидении, на канале «Культура» записал двенадцать поэтических программ: четыре пушкинских, программу Давида Самойлова, Арся Тарковского, Ахматовой, Цветаевой, Пастернака и Мандельштама.

– **Значит, вы решили больше не связываться с государственным театром?**

– Отчего же! Вот Шейлок в «Моссовете». В Ленинграде поставил «Чествование» Слейда и сам сыграл в нем Стемплтона. Скоро это можно будет увидеть по телевидению, канал «Культура» записал.

– **Я недавно прочитала вашу «Актерскую книгу». вы в ней довольно самокритичны, не боитесь саморазоблачений. Книга хорошо раскупается?**

– Неплохо, уже было переиздание, но это не сделало меня богатым. Романы Мариинной расходятся лучше. Это нормально. А еще я недавно выпустил диск Бродского. Сделал сам себе подарок за две с половиной тысячи долларов. Продавать не продаю, дарю, кому хочется. Вам вот подарю.

– **Почему не продаете? Считаете, покупать некому?**

– Не оправдывает себя. Там два диска: альбом. Чтобы вернуть вложенные деньги, надо продавать за границей.

– **А что за книжка «Три Михаила Козакова-три»?**

– Это для коммерции. Хотя главное – издать лучшие вещи отца двадцатых годов. Мой сыновний долг. Там и Мишка-маленький что-то написал. Вот, пожалуй, и все, что я успел за эти годы в Москве. И при том, что я много гастролирую с антрепризой. Послезавтра, между прочим, лечу во Владивосток. Потом – в Хабаровск. Мы много где уже были: в Перми, в Ижевске, Екатеринбург, Поволжье. Ездили в Калинин, во Львов, в Ригу...

– **Как относятся к столичным антрепризам на периферии?**

– В Москве зарегистрировано, кажется, 56 антреприз. Так же, как театр театру рознь, так и антреприза антрепризе рознь. У одного и того же антрепренера могут

быть разные – более и менее удачные – спектакли. Но есть принципы. Только идти может относиться к антрепризе, как к отхожему промыслу: приехал, сыграл, уехал, а дальше хоть трава не расти. У нас действует «сарафанное радио». Из города в город принимающие стороны передают впечатления, и если Юрский с Волковым играют «Железный класс» серьезно, так я про это уже слышал, даже если не видел. Я своим актерам всегда говорю: не важно, где вы играете, на Бродвее или в Ижевске, каждый спектакль надо играть, как последний. Тогда, может, и будет следующий.

– **Как вы полагаете, частная антреприза может составить конкуренцию государственному дотационному театру?**

– Знаете, мы всегда говорили с придыханием «театрдом». Но, с точки зрения Московского Художественного театра времен Станиславского и Немировича, с точки зрения Таганки, молодого «Современника», театрдом разрушен. Его разрушила не антреприза, а смена систем – политической и экономической. Российский театр всегда держался и силен был общей идеей. Это могла быть социальная идея, идея христианства или какая-либо иная. Но идеи у нас, кроме общих слов о гуманизме, о христианстве и самосовершенствовании, иссякли. Иосиф Бродский заметил (меня это в свое время тряхнуло), что человечество, само того не сознавая, вступило в постхристианскую эпоху. Он имел в виду ту бесовщину, ту иррациональность мира, что стала превалировать над его рациональным началом. Христианство преодолело идею Рока. Точнее, безыдейность Рока. Теперь она снова овладела. Это Рок, что Россия как государство (о чем писал Чаадаев) есть ни Восток, ни Запад. Это Рок, что у нас под боком Чечня, или что израильские евреи живут рядом с палестинцами.

– **Я бы сказала, не Рок, а география.**

– Хорошо, пусть география – но роковая география! Сло-

вом, масса идей, с которыми общество еще не разобралось, обрушилось на театр. И театр растерялся. Вот включаю я программу Таратуги и вижу потрясающий сюжет о старухе бомжихе. У нее своя жизненная философия, она сравнивает себя с Горбачевой и считает себя счастливее, поскольку пережила Раису Максимовну. Кормится тем, что собирает бутылки. Однажды нашла в батоне 500 долларов и рассказывает об этом так, что никакой театр сравниться не может. Это трогает до слез, и я думаю, как играть это на сцене?! Или происходит на наших глазах великий театр Чубайса с Явлинским. И это трудно переиграть, потому что это правда, причем, замешенная на нашей крови! Смотрю на них и думаю: вот так спорили интеллигенты в старой, дореволюционной Думе. А потом на их место пришли большевики. Трудно не согласиться с теми, кто считает, что гуманнее идеи социализма, идеи коммунизма – нет...

– **Тогда почему она всегда воплощалась таким негуманным образом?**

– Вот-вот! В этом весь парадокс! Человечество не может устроить рай на земле. Человек несовершенен и всегда будет несовершенен. При всех системах! Так устроен мир, в этом его иррациональность. Самое страшное, что светлые идеи братства, толстовства, Нагорной проповеди, чего хотите, предполагают надежду только на спасение души. Вот почему люди верующие в каком-то смысле счастливее людей неверующих. Вот почему Вольтер прав, сказав: «Если бы Бога не было, его стоило бы выдумать».

– **Почему у вас в антрепризе нет ни одной современной российской пьесы? Неужели вы сами себе неинтересны?**

– Современная пьеса – всего лишь повод для некоторых режиссеров, чтобы создать

то самое «и публике понравится...» В пьесе Джона Осборна «Комик», в которой играл Лоренс Оливье, герой, профессиональный актер, говорит: «У меня было жуткое положение, в это время я нашел Нозля Кауарда, уговорил его написать пьесу, и он меня спас».

– **Поэтому вы ставите преимущественно Кауарда?**

– В антрепризе другого пути нет. Кауард – не самый плохой автор! Мы не можем делать спектакль на сто человек!

– **Вы всегда были взъискательны в выборе литературы – в поэзии, в театре, на телевидении. Признаться, антреприза не заставила вас пойти против своих привычек?**

– Я, знаете ли, люблю комедии. Люблю веселиться и веселить людей. Кого-то мои спектакли не веселят? Возможно. И меня не всё веселит. Кому-то нравится Птушкина. Кому-то Кауард. Кому-то Петр Гладилин. Кому-то Джон Осборн. Хотя и Осборн, заметьте, тоже не всегда. Сегодня такая беда: публика перестала слушать.

В спектакле «Возможная встреча»

